

Šmidehel'm, Marta

Фибулы с бычачьей головкой первой
половины 1 тысячелетия н. э. с
мазурского поозерья

Światowit 24, 335-341

1962

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

МАРТА ШМИДЕХЕЛЬМ

ФИБУЛЫ С БЫЧАЧЬЕЙ ГОЛОВКОЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1 ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. С МАЗУРСКОГО ПООЗЕРЬЯ

Среди инвентаря могильников первой половины I тысячелетия н. э. западной части Мазурского поозерья, оставленных, как полагают, древне-прускими племенами галиндов¹, уже издавна обращала на себя внимание небольшая группа своеобразных фибул, ножка которых заканчивается пластическим изображением бычачьей головки. Эти фибулы следующие: 1-2. Две перекладчатые фибулы из Пупы, повят Щитно, погребение 137а (Табл XII:1). 3-4. Две такие же фибулы из могильника в Мойтыны, повят Мронгово, погребения 5а и 7б. 5. Фибула с коленообразно загнутой дужкой из Мингфы, повят Щитно (Табл XII:2). 6. Арбалетовидная фибула из Никутово, повят Мронгово (Табл XII:4). 7. Наконец, перекладчатая фибула из Грунайки (Табл. XII:3), в северо-восточной части Мазурского поозерья, заселенной в то время, как полагают, другим прусским племенем — судавами (ятвягами)².

Среди перечисленных предметов перекладчатые фибулы из Мойтыны и из Пупы, с широкими перекладчинами, прямоугольной пластинкой у головки и длинной ножкой (Табл XII:1), являются — если не считать изображения бычачьей головки на последней — одним из наиболее типичных видов укра-

¹Ф. Д. Гуревич. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. Материалы и исследования по археологии СССР 76, Москва-Ленинград 1960, стр. 410 и сл. Л. Нидерле, Славянские древности. Москва, 1956, стр. 138: C. Engel, W. La Baume, *Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande*. Königsberg (Pr.) 1937, ср. 151.

²См. предыдущую сноску. Перечисленные фибулы опубликованы уже раньше. См. E. Hollack, E. F. Peiser, *Das Gräberfeld von Moythienen*. Königsberg i. Pr. 1904, Табл. I: 5d, 7b. H. Schmidt, *Ostpreussische Beiträge*. „Zeitschrift für Ethnologie“ 38, 1906, Berlin 1906, стр. 461, рис. 2: O. Tischler, *Altpreussische Gräberfelder III.*, „Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg“, XIX, 1878, Königsberg 1879, стр. 181, 198, табл. IX (III): 15. A. Voss, *Photographisches Album der Ausstellung praehistorischer und anthropologischer Funde Deutschlands*. Berlin 1880, Section I, табл. 8: 391; W. Gaerte, *Urgeschichte Ostpreussens*. Königsberg i. Pr. 1929, рис. 169 a, b, d.

Помимо публикаций, здесь и в дальнейшем предметы из могильников Мазурского поозерья приводятся отчасти на основании записей, сделанных до второй мировой войны в бывшем музее „Пруссия“, в Кёнигсберге (Калининграде).

шений у племен, населявших в III — IV вв. Мазурское поозерье, особенно западную его часть. Фибулы из Мойтыны найдены вместе с римской монетой Септимия Севера и с тремя арбалетовидными фибулами, из которых две украшены колечками, — т. е. с предметами III в., тогда как в комплекс погребального инвентаря из Пупы, содержащий фибулы с бычачьими головками, помимо арбалетовидной фибулы, входит еще овальная железная поясная пряжка, относящаяся к концу IV в.

Фибула из Грунайки (Табл XII:3) связана с другим типом перекладчатых фибул III в., ножка которых обычно заканчивается короткой перекладиной и пуговкой, причем перекладины украшены продольными желобками. Эти фибулы типичны также для района Мазурских озер, откуда они распространились и в Восточную Прибалтику³.

Фибулы с коленообразной дужкой, соответствующие нашей фибуле из Мингфы (Табл. XII: 2), но с прямо обрезанной или пластинчатой ножкой, также встречаются в могильном инвентаре III и начала IV в. как на территории древнепруских самбийских племен, в нынешней Калининградской области РСФСР, так и в Мазурском поозерье⁴. Фибула с бычачьей головкой из Мингфы происходит из погребения, содержавшего, между прочем, перекладчатую фибулу так наз. привислинского типа, датируемого концом II и началом III в⁵.

Арбалетовидная фибула из Никутово найдена в погребении вместе с широким замкнутым перстнем и фрагментами костяного гребешка III — IV вв.

Таким образом, мы приходим к заключению, что все описанные фибулы с бычачьей головкой на ножке относятся ко времени примерно от рубежа II—III вв. и до конца IV в. н.э., и что эта деталь придавалась по преимуществу фибулам, особенно характерным для племен, населявших в то время западную часть Мазурского поозерья. Следовательно, не может быть сомнения в том, что все эти фибулы изготовлены на месте. С другой стороны, зооморфные мотивы были в то время в общем чужды материальной культуре названных племен. Поэтому вопрос о происхождении этого мотива заслуживает некоторого внимания.

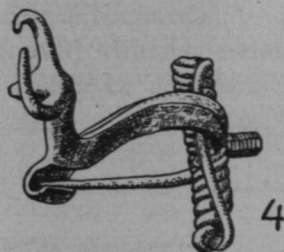
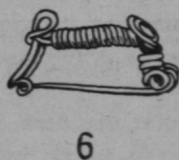
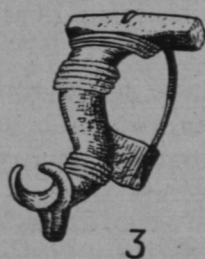
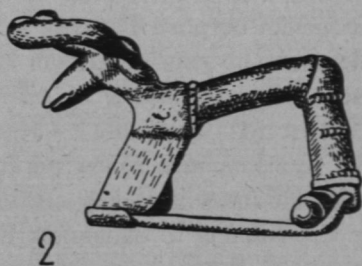
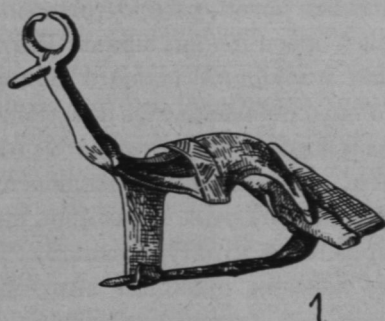
Проф. В. Антоневицем опубликовано несколько предметов с территории Польши, на которых представлен мотив крупного рогатого скота. Это, во-первых, поясная застежка провинциально-римского происхождения в виде натуралистического изображения бычачьей головы, найденная в Буркатах, повят Дzialдово, недалеко от южной границы Мазурского

³ Н. Моога, *Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II. Teil: Analyse*, „Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused - Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft“. XXIX, Tartu 1938, стр. 82.

⁴ Ср. Гаерте, указ. раб., рис. 168 e.g.

⁵ Н. Моога, указ. раб., стр. 97.

ТАБЛИЦА XII

1,2 — фибулы из Пупы и Мингфы, пов. Щитно; 3,4 — фибулы из Грунайки, пов. Венгожево и Никутово, пов. Мронгово; 5 — булавка из Старе Кейкуты, пов. Щитно; 6 — фибула из Бабиенты, пов. Мронгово; 7 — фибула из Здроры, пов. Пиш. 1,3,6 — 2/3; 2,4 — 9/10; 5,7 — 1/1 нат. вел. (По Герте, Тишлер, Пейзер).

поозерья⁶. Во-вторых, — серебряная бычачья головка, найденная на реке Сан, которой В. Антоневиц посвятил специальную статью. К сожалению, сохранился лишь рисунок этого интересного предмета, который сам утерян⁷. В. Антоневиц объясняет его как наконечник от рога для питья и ставит его в связь с такими же зооморфными наконечниками рогов, распространенными в конце I тысячелетия до н.э. и в начале нашей эры в Дании, южной Швеции (включая острова Готланд и Эланд), в одном экземпляре также в Поморье. Материал по этим рогам для питья, повторно опубликованным, в новое время собран и разработан в статьях М. Стенбергера, а также О. Фосса и М. Эрнес-Кристенсена, пришедших к заключению, что изображения голов рогатого скота появились на этих рогах для питья под влиянием зооморфных мотивов в материальной культуре кельтов, распространенной в Западной Европе. В более далеком прошлом этот мотив восходит гальштатской культуре где он связан скульптурой скифов⁸.

М. Эрнес-Кристенсен связывает с этими наконечниками рогов для питья и описанные выше мазурские фибулы, из которых ему известны три по публикации Герте⁹; по его мнению эти фибулы возникли, таким образом, под влиянием, шедшим с севера.

Эта точка зрения требует проверки. Почти все немецкие исследователи, публиковавшие мазурские фибулы с бычачьими головками, указывали на их несомненное сходство с некоторыми изделиями гальштатской культуры, однако не углубляясь в вопрос о путях этой преемственности¹⁰.

Мотив крупного рогатого скота является действительно одним из наиболее распространенных зооморфных мотивов в гальштатской культуре. Общеизвестны бычачьи фигурки из самого могильника в Гальштатте¹¹. Связь наших фибул с гальштатской культурой особенно бросается в глаза, если принять во внимание, что в культуре древнепрусских племен, населявших Мазурское поозерье, — правда его восточную, судавскую часть, — представлен и другой, весьма обычный в гальштатском мире зооморфный мотив сидящей (или плавающей?) птицы. Мы находим этот мотив в виде подвески из янтаря из

⁶ W. Antoniewicz, *Notatki archeologiczne*. 1 Отдельный отиск из „Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne” XIII, 1930, стр. 1 и сл., рис. 1.

⁷ W. Antoniewicz, *Srebrna głowa byka z Sanu*. „Wiadomości Archeologiczne” XX, 3, Warszawa 1954, стр. 263 и сл., рис. 1.

⁸ M. Stenberger, *Djurfigurer från äldre järnålder*. „Fornvännen” 1946, стр. 147 и сл. O. Voss, M. Orsnes-Christensen, *Der Dollerupfund. Ein Doppelgrab aus der römischen Eisenzeit*. „Acta Archaeologica” XIX, Kobenhavn 1948, стр. 231 и сл.

⁹ O. Voss, M. Ørsnes-Christensen, указ. раб., стр. 242. Эрнес-Кристенсен ошибочно считает их найденными в Литве.

¹⁰ Только В. Герте приписывает этому мотиву южнорусское происхождение, не приводя, однако, никаких доказательств. W. Gaerte, указ. раб., стр. 220.

¹¹ E. v. Sacken, *Das Gräbfeld von Hallstatt in Oberösterreich und dessen Altertümer* Wien 1868, табл. XVIII: 31, 32; XXIII:3,6.

Стара-Бочвинка, повят Гольдап, а также на бронзовом колечке из Лазыпи де, повят Олецко, которое напоминает некоторые колечки эпохи раннего железа из северной Италии и из Венгрии¹². Из Италии происходят фибулы того же периода как с фигурками быков на дужке, так и с фигурками птичек. Особенно интересны те предметы гальштатской культуры, где мотив птичек сочетается с мотивом быков, что, по-видимому, указывает на какую-то связь этих животных в религиозных представлениях. Сюда относятся в первую очередь общеизвестные бронзовые коляски, найденные в бассейне среднего течения р. Одры, особенно в Силезии¹³, а также на юге, в Италии. У большинства этих колясок на оси и на оглобле рядом с фигурками птиц представлены и сильно стилизованные рогатые головы быков, а из Болоньи в Италии известно изображение фантастического животного из глины с туловищем птицы и головой, увенчанной бычачьими рогами¹⁴. Можно полагать, что все эти предметы связаны с какими-то религиозными представлениями. Те же представления продолжали, по-видимому, существовать и в латенской культуре. Так в Швейцарии, в Порте на р. Циль, где находился один из центров кельтской культуры, найдено интересное бронзовое кольцо, лежавшее на втульчатом топоре позднелатенского периода. Это кольцо украшено, наподобие очень распространенных в то время колец, круглыми шишечками, между которыми располагаются две фигурки сидящих птичек и три бычачьи головы с рогами¹⁵. То же сочетание бычачьей головы с птичкой имеется на наконечнике одного из упомянутых выше рогов для питья с острова Эланда¹⁶, что несомненно указывает на связь этих рогов с гальштатской культурой.

Однако при всех точках соприкосновения, которые имеются между мазурскими фибулами и скандинавскими рогами для питья, все же нет необходимости полагать, что зооморфный мотив проник к древнепрусским племенам таким окольным путем, как это считает М. Эрнес-Кристенсен. Скорее всего можно думать, что элементы гальштатской культуры распространились здесь вместе с лужицкой культурой, которая в начале I тысячелетия до н. э. проникла с юго-запада в западную часть Мазурского поозерья, о чем свидетельствует появление здесь в то время полей грунтовых погребений. По-видимому, мы имеем здесь дело с проникновением некоторых этнических элементов

¹² O. Tischler, указ. раб., табл. XI(Y): 39; M. Schmiedehelm, *Ein Ringanhänger mit Vogelfiguren aus Masuren*. „Elbinger Jahrbuch“ 15, Elbing 1938, XII стр. 56 и сл., а, f, g, h.

¹³ H. Seger, *Die Deichselwagen von Gr. Perschnitz, Kr. Militsch*. „Altschlesien“ 3, Breslau 1931, стр. 185 и сл., табл. XII; I, XII a: I, рис. 2, 4, 5.

¹⁴ O. Montelius, *La civilisation primitive en Italie*. Stockholm 1895, série B, Italie septentrionale, табл. 81:2.

¹⁵ O. Tschumi, *Der verzierte Ring von Port*. „Jahrbuch des Bernischen Historischen Museums in Bern“, XVII (1937). Bern 1938, стр. 82 и сл.

¹⁶ M. Stenberger, указ. раб., рис. 8.

с территории распространения лужицкой культуры¹⁷. Как известно, лужицкая культура развивалась под сильным воздействием гальштатской культуры восточных Альп, при посредничестве которой на территорию распространения лужицкой культуры в значительной мере проникали и изделия еще более южного, италийского происхождения¹⁸.

В пределах Мазурского поозерья пережитки гальштатской культуры обнаруживаются в наследии галиндов первой половины I тысячелетия н.э. не только на рассматриваемых фибулах, но и на ряде других предметов. Здесь в единичных случаях еще долго сохранялась типичная для гальштатской культуры техника изготовления украшений из бронзовой проволоки, образующей плоские спирали и разного рода петли. Можно отметить своеобразную фибулу из Бабиенты, повят Мронгово (Табл. XII : 6), найденную в погребении 58б. вместе с шейной гривной III в.¹⁹, и булавку из старе Кейкуты, повят Щитно (Табл. XII : 5). Сама арбалетовидная фибула с бычачьей головкой на ножке из Никутово (Табл. XII : 4) своей формой до некоторой степени напоминает фибулы типа *Certosa*, которые, как известно, тоже иногда украшались головами животных²⁰. Наконец, и характерные мазурские урны с сильно выпуклым туловом и резким переходом от последнего к конусообразно суживающейся кверху шейке лишь немногим отличаются от некоторых сосудов гальштатского типа²¹, которые в свою очередь, возможно, являются подражанием италийским металлическим сосудам. Также тройной сосуд, найденный э. Окуlichem в могильнике Нетта, повят Аугустов²², производит впечатление гальштатского. Сосуды, состоящие из нескольких частей, имеют широкое распространение и в лужицкой культуре²³.

¹⁷ Материал по полям погребений лужицкого типа в Мазурии собран у H. Urbanek, *Die frühen Flachgräberfelder Ostpreussens*. „Schriften der Albertus-Universität. Geisteswissenschaftliche Reihe“, 33. Königsberg (Pr.) 1941. Хотя немецкие исследователи, как и Urbanek в указ. раб., стр., 84, всячески старались отрицать проникновение в западную Мазурию лужицких этнических элементов, все же и они должны были допустить здесь хотя бы „отдельных переселенцев“ из области распространения лужицкой культуры. C. Engel, W. La Baume, указ. раб., стр. 91. На ступени развития лужицкой культуры, конечно, передвигались не отдельные лица, а общины.

¹⁸ W. Antoniewicz, *Archeologia Polski*. Warszawa 1929, табл. XXIV; I-3, 15, 17; табл. XXV : I, 24 и др., стр. 104, 113 и сл.

¹⁹ Типа W. Gaerte, указ. раб., рис. 181 : e.

²⁰ Ср. M. Hoernes, *Krainische Hügelnekropolen der jüngeren Hallstattzeit*. „Wiener Prähistorische Zeitschrift“, II, 1915, Wien 1915, стр. 99, рис. 1 : 17; стр. 118, рис. VI : 6.

²¹ Ср., например, урны типа W. Gaerte, указ. раб., рис. 164 : а с сосудами, изображенными у J. Szombathy, *Prähistorische Flachgräber bei Gemeinlebarn in Niederösterreich*. „Römisch germanische Forschungen“ 3, Berlin-Leipzig 1924, табл. 3 : 3; 24 : 5.

²² J. Okulicz, *Cmentarzysko z III-V w. naszej ery z miejscowości Netta, pow. Augustów*. „Wiadomości Archeologiczne“ XXII, Warszawa 1955, табл. XXXVI : 4.

²³ W. Antoniewicz, *Archeologia Polski*, табл. XXI : 12, рис. 27 : 8.

Возвращаясь к нашим фибулам с бычачьими головками следует еще добавить, что этот мотив в Мазурии не исчез в первой половине I тысячелетия н.э. В материалах из могильников VII-VIII вв. снова встречаются фибулы, воспроизводящие в иной форме, чем прежде, изображения крупного рогатого скота (рис.1:7). Заслуживает внимания тот факт, что параллельно с ними бытовали и фибулы в форме сидящих птиц, которым имеются аналогии в культуре периода раннего железа в северной Италии, как на это указал и Герте²⁴.

Можно думать, что как мотив птицы, так и мотив крупного рогатого скота проник в материальную культуру древнепрусских племен, в частности галиндов, вместе с некоторыми представлениями религиозного характера. Ввиду того, что общественно-экономическое развитие в северных областях совершалось медленнее, чем на юге, в районах распространения гальштатской и лужицкой культур, эти элементы, воспринятые древнепрусскими племенами, сохранились в их материальной культуре в течение долгого времени.²⁵

²⁴ W. Gaerte, указ, раб., рис 224 с, стр. 275 и сл.

²⁵ После сдачи настоящей статьи в печать Ю. В. Кухаренко опубликовал проволочную фибулу типа рис. XII:6 из Воронина на среднем течении р. Припяти и два колечка с изображениями птичек из Приднепровья, очень похожие на названное на стр. 329 колечко из Лазвинца. Ю. В. Кухаренко, Распространение латенских вещей Европы. „Советская археология“, 1959:1, стр. 33, рис. 1:5 и стр. 37, рис. 2:5,6. Его же, К вопросу происхождения зарубинецкой культуры. „Советская археология“ 1960:1, стр. 295, рис. 5:1. Если датировка этих предметов периодом Латена, данная Ю. В. Кухаренко, соответствует действительности (колечки, как случайные находки, едва ли поддаются точной датировке), то значительная разница во времени бытования названных предметов из Полесья и Приднепровья с одной стороны, и мазурских вещей с другой, затрудняет разрешение вопроса непосредственной связи между ними. Скорее всего они связаны между собой общностью происхождения из южных или юго-западных культур. Мы имеем здесь перед собой опять таки пример долгого сохранения древних традиций у балтийских племен.